

НИКОЛАЙ КОЛЯДА

ОВЦА БОЖЬЯ

Пьеса в одном действии.

Город Екатеринбург

2018 год

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

БАБКА МОРОЗИХА – 75 лет

АГЛАЯ, её дочь – 45 лет

МИХАИЛ – 45 лет

В деревенском доме бабки Морозихи, наши дни.

Деревенский дом в две комнаты. Здесь живет тётя Валя Морозова, которую все в деревне зовут бабка Морозиха.

Как-то всё сильно, будто нарочно, сделано по-старому, по-старинному, чересчур по-русски, будто в музее. Русская печь, стол с клеёнкой, лавка у печи. Полати над входной дверью задернуты красивыми шторками в сине-голубой цветочек.

Лавка у печки, крепкий стол с яркой клеёнкой у окна, а на окне герань цветет и ещё - лоснится листьями алоэ. Русская печь на заслонке, у печи стоят пузатые горшки-чугунки, там еще есть стул, а на нем большая кастрюля с водой, прикрытая крышкой. Шкафчик с посудой.

Во второй комнате два окна и тоже на окнах цветы. Еще там кровать высокая стоит с периной и подушками, у кровати коврик с оленями, мирно пасущимися на траве где-то в красивой стране. Тут еще одна печка, круглая, «груба» называется или «голландка», покрашенная серебрянкой – светлая печка.

У кровати табуретка, на ней кружка с водой и таблетки. Шифоньер стоит с зеркалом. Между окнами, на которых белые выстроченные занавески, стоит трюмо с вазочкой, в ней три пластмассовых розы. В уголки трюмо воткнуты открытки.

Половики во всех комнатах домотканые.

Чисто и уютно в избе, совсем по-деревенски.

С улицы в окна солнце светит, оставляя на половиках квадратики.

За столом на кухне сидит АГЛАЯ. Напротив, так же на табуретке, МИХАИЛ.

Аглая - вся в цацках, в дорогом деловом костюме бежевого цвета, в плаще черт знает какой «Прады» или «Гуччи», в руках у нее яркая красная сумка тоже какой-то супер-фирмы.

Аглая вся из себя такая городская и деловая, трясет ногой и кусает губы, растирая помаду.

Аглая и Михаил ровесники, примерно одного возраста.

Михаил в рабочем комбинезоне, на ногах у него кирзовые сапоги, на голове фуражка мятая.

Михаилу неловко, что он в сапогах в дом вошел. Сидит на краешке табуретки.

Старуха, бабка Морозиха, лежит в соседней комнате на кровати и громко стонет. С перерывами.

Прям умирает.

Помолчит, помолчит и потом снова: «О! О!».

Молчат все долго.

Старуха стонет.

АГЛАЯ. Мама, выйди сюда.

МОРОЗИХА. О!

АГЛАЯ. Мама, выйди сюда.

МОРОЗИХА. О!

АГЛАЯ. Я сказала: мама, выйди сюда!

МОРОЗИХА. О!

АГЛАЯ. Мама!

МОРОЗИХА. О! О! О!

АГЛАЯ. Ну, долго это будет продолжаться?

Молчание.

МОРОЗИХА. Шо?

АГЛАЯ. Я тебе в двадцатый раз говорю: выйди сюда! Ну?!

МОРОЗИХА. Шо?

АГЛАЯ. Хватит тебе уже шокать и придуриваться, я сказала! Быстро вышла сюда и быстро посмотрела в глаза вот этому человеку. Вот этому человеку в глаза тебе надо посмотреть, слышишь? Мама! Ну?!

МОРОЗИХА. Шо?

АГЛАЯ. Я что говорю? Ты меня не слышишь?

МОРОЗИХА. Нэма мэни в хати.

АГЛАЯ. Я сказала: мама, выйди и посмотри иди в глаза вот этому человеку. Мама! Мне сто раз повторять тебе?!

МОРОЗИХА. Да шо я его, нэ бачила, чи шо? Шо я его буду оглэндать?

АГЛАЯ. Михаил, простите. Ну, вот она такая, к сожалению. Родителей не выбирают. Как и судьбу. Вы понимаете, да? Она у меня такая!

МОРОЗИХА. Какая я?

АГЛАЯ. Выйди сюда!

МИХАИЛ. Вы меня простите, но я вот ... Это самое ... Давайте, на потом это всё откладём, а? А то я ... Может, я пойду?

АГЛАЯ. Нет, не на потом! А сейчас! Выйди сюда, артистка!

МОРОЗИХА. Нэма мэни в хати, я ж тоби казала. Я нэ могу. Я хвора. О! О! О!

АГЛАЯ. Хватит уже тут изображать кающуюся Марию Магдалину! Сюда иди, я тебе сказала!

МОРОЗИХА. А я тоби кажу, шо я вмэрла, нэма мэни, вмэрла, вмэрла, вмэрла!

АГЛАЯ. Господи, за что мне это наказание?! Хватит тебе тут изображать хохляндию, мама! Вмэрла она! Ты хохлушка, что ли? Ты какая хохлушка! Ты такая же хохлушка, как я балерина! Ты татарка, чувашка, мордовка Валя Морозова, бабка Морозиха! Все знают, что тебя зовут бабкой Морозихой! Иди сюда, сказала, ну?!

МОРОЗИХА (*с кровати, громко*). Не выйду. Тебя посодют, Любка. Ой, тебя посодют! Ты аферистка. Ты идешь, и у тебя деньги из карманов падают. Откуда они? Наворовала. Тебя посодют. Ой, кого я воспитала, какая у меня дочь шалава! Аферистка! Аферюга! Аферюга распоследняя!

АГЛАЯ. Ты что такое при людях говоришь? Какая я тебя Любка? Меня зовут Аглая, а не Любка. Сюда иди, я сказала!

МОРОЗИХА. Ага. Аглая-наглая. Паспорт сменила, дура. Бессовестная. Придумала имя дуры какой-то. Я тебя тогда, значит, и не рожала, и не знаю, как тебя зовут, и знать не хочу, и передачи в тюрьму носить не буду. Пусть тебя зовут - как хочут пусть тебя зовут. Не пойду никуда. Я болею. Всё. Отвяжись.

АГЛАЯ. Михаил, я прошу прощения, что я вас вовлекла, так сказать. Просто, понимаете, мне ее надо воспитывать.

МОРОЗИХА. Мне семьдесят пять лет, кого ты воспитывать собралась?

АГЛАЯ. Выйди сюда, сказала?!

МОРОЗИХА. Не выйду.

АГЛАЯ. Хорошо. Понимаете, Михаил, мне ее надо ставить на место. Как говорится, иногда яйцам приходится учить зарвавшуюся курицу. Мне надо как-то ее встряхивать, вы понимаете? Потому что у меня ощущение, что все ее поступки – это какой-то вид, очень странный вид - сумасшествия. А я не хочу, чтобы она вот так вот сдвинулась с ума. Понимаете?

МИХАИЛ. Да я пойду лучше, а? Слушайте, мне, правда, это было не трудно. Ну, помог и помог бабушке, делов-то. Пойду, а?

АГЛАЯ. Это не бабушка, Михаил, нет, не бабушка, нет, а лгунья! Вы помогли лгунье! Отвратительной, сходящей с ума лгунье вы помогаете! Зачем вы помогаете лгунье? Она – лгунья!

Старуха вышла, встала в проеме дверей, ведущих в другую комнату. Она в платочке, в юбке пёстрой, в кофте тёплой. На ногах калоши и тёплые носки. Встала, вздохнула.

МОРОЗИХА. Боже, какие люди в Голливуде!

АГЛАЯ. Мама, прекращай этот концерт!

МОРОЗИХА (*спокойно, с улыбкой*). Ну, какого хера ты к нему привязалась? Он же хотел помочь. Ну, и помог. А тебе-то что? Тебя не до лампочки то, что он сделал для меня? Что ты хочешь? Зачем приехала, а?

АГЛАЯ. Мама, ну, как тебе не стыдно?!

МОРОЗИХА. А почему мне должно быть стыдно?

АГЛАЯ. Но ведь это обман!

МОРОЗИХА. И что? Все врут. Телевизор вон включи. Не такое врут. И что?

АГЛАЯ. При чём тут телевизор?! У них своя жизнь, а у нас – своя!

МОРОЗИХА. Да хватит тебе. Извоспитывалась уже прямо. Макаренко наших дней. Пестолоцци ты наш. Чё ты орёшь? Хватит уже меня воспитывать. Хорош учить меня, как жить. Я тебя сама научу ещё. Учит и учит. Окабанела уже совсем.

АГЛАЯ. Да это ты окабанела! Бессовестная!

МОРОЗИХА. Ой, заманала, орёт. Говорю же: окабанела!

АГЛАЯ. Михаил, простите, что вам приходится присутствовать при столь гнусной сцене.

МОРОЗИХА. Ой, Боже! Какие слова красивые!

АГЛАЯ. Вы видите, что это вовсе не придурочная старушка. И не хохлушка. Совсем не хохлушка. Далеко не хохлушка!

МОРОЗИХА. Хохлушка. Не твое дело. Не лезь. Иди – воруй дальше. Из карманов деньги валяются, а?!

АГЛАЯ. И не хохлушка ты, совсем даже не хохлушка! Она, Михаил, перед вами играла! А вы поверили. И напрасно.

МОРОЗИХА (*поёт*). «А ты любви моей не понял! И напрасно! И напрасно!»

АГЛАЯ. Хватит тебе петь!

МОРОЗИХА. «Она как радуга над полем! Засветилась и погасла!». Знаешь, что? Пойду я, лягу и буду лежать дальше.

АГЛАЯ. Нет, не лягешь! То есть, не ляжешь!

МОРОЗИХА. Лягу.

АГЛАЯ. Не ляжешь!

МОРОЗИХА. Лягу.

АГЛАЯ. Не ляжешь!

МОРОЗИХА. Лягу!

АГЛАЯ. Я сказала: нет!

МОРОЗИХА. А я сказала – да.

АГЛАЯ. Сядь!

МОРОЗИХА. Не сяду.

АГЛАЯ. Сядь, сказала?!

Молчание.

МОРОЗИХА *(помолчала, с улыбкой)*. Шо тоби? Я хвора. Я вмэрла, я нэ могу стояти, дочка ридна!

Засмеялась, ушла, легла снова на кровать, лежит, ноги к потолку поднимает, потом опускает, что-то мурлыкает.

АГЛАЯ *(говорит громко, чтобы ее было слышно в соседней комнате)*. Михаил, послушайте, мне ужасно неловко. Я очень обеспеченный человек. У меня несколько магазинов. Я бизнесмен и очень успешный. Крутой, так сказать, бизнесмен.

МОРОЗИХА. Крутая горка ты наша.

АГЛАЯ. Помолчи! Я могла бы поселить ее в квартире в городе. Но она капризничает и не хочет. Не любит город, говорит, что все дома – муравейники, что она не может там. Ну, капризуля такая, понимаете?

МОРОЗИХА. Сама ты такая. Тоже мне, бизнесмен, уй! Хоть стой, хоть падай. Прямо как дала бы с ноги ...

АГЛАЯ. Помолчи! Да, она не хочет. Она живет тут в деревне. Ну, она попросила меня несколько лет назад купить ей простой деревенский дом. И я купила. Она в начале жила со мной в городе, но потом – вот так вот. Понимаете? Я купила ей этот дом, мне ничего не стоит, это копейки для меня. Собственно говоря. Я уже говорила, что я очень обеспеченный человек? Говорила. Ну вот. Я езжу к ней раз в неделю проведовать, это двадцать километров от города, двадцать минут и я тут.

МОРОЗИХА. Любка, тебя посодют! Тебя посодют, Любка! Вывезла взяла меня с родины. Вывезла меня из Зубаревки! Вывезла сюда! В степь! Как мне было хорошо там, дома! А она взяла и мне корешки срезала!

АГЛАЯ. Это тысяча километров отсюда, я бы не смогла к тебе так часто приезжать!

МОРОЗИХА. Да нужны мне твои приезжания!

АГЛАЯ. Тебя проведовать надо всё время, ты старая!

МОРОЗИХА. Ой, ты у нас молодая, да?

АГЛАЯ. Я хотела ей здесь сделать отопление, я хотела ей здесь провести газ, я хотела ...

МОРОЗИХА. Хотелка ты наша.

АГЛАЯ. Я хотела провести ей воду в этот дом. Это ничего не стоит, для меня это – ничтожные копейки. Я ни в чем не нуждаюсь, я очень обеспеченный человек. А она сказала: нет, не надо, пусть будет как у всех.

МОРОЗИХА *(громко)*. «И в муках и в страданиях я с тобой, мой великий русский народ!».

АГЛАЯ. Хватит!

МОРОЗИХА. Не хватит.

АГЛАЯ. Она, Михаил, понимаете – хочет с дровами, с печкой, с полатями вот с этими, туалет на улице. Боже, двадцать первый век на улице! А она хочет вот так, без новых технологий! Вы понимаете, как ужасно это всё для меня? Колодец у нее во дворе, ну, в огороде ...

МОРОЗИХА. Ну вот! В огороде! А мне надо было колонку, чтоб у крыльца, чтоб насос был, чтоб я вышла и качала бы воду насосом! Насасывала бы в ведро! У всех в деревне так! Цивилизация пришла! У всех колонки во дворе!

АГЛАЯ. Почему ты мне этого не сказала?!

МОРОЗИХА. По кочану.

АГЛАЯ. Почему?!

МОРОЗИХА. Ты же у нас занятая.

АГЛАЯ. Я бы тебе сделала, вырыла, выкопала колонку! Я не знаю – пальцами, ногтями, я не знаю как – но я бы тебе вырыла ее, мамочка!

МОРОЗИХА. Ой, всё. Зарапортовалась. Вырыла бы она. Насосала бы. Вот тебя посодют, Любка, посодют вот!

АГЛАЯ. Хватит чушь молоть! Михаил, ну, что вы молчите?

МИХАИЛ. Да мне как-то неловко. Может, я всё-таки, пойду?

АГЛАЯ. Что она вам говорила, Михаил? Как она вас уговаривала сделать эту работу, Михаил?

МОРОЗИХА (*смеётся*). Расскажи ей, Миша.

АГЛАЯ. Я прошу вас, ещё раз, повторите её слова, при ней. Простите, но для меня это важно. Пожалуйста, ещё раз ...

МИХАИЛ. Да я пойду, наверное ...

АГЛАЯ. Нет, нет, нет! Мне соседи уже рассказали, я приехала утром на «Мерседесе» - у меня «Мерседес» - приехала, а они бегут и рассказывают мне. Ужас!

МОРОЗИХА. Ужас! Зверьё, а не люди.

АГЛАЯ. Ещё раз, я прошу вас, расскажите, как это было. Простите, что я взяла вас за руку буквально и привела сюда, но для меня это крайне важно, крайне, просто вот крайне до горла как важно.

МИХАИЛ. Да всё нормально это было, Аглая ... Извините, как вас по батюшке, не знаю?

АГЛАЯ. Вадимовна. Аглая Вадимовна.

МОРОЗИХА. Да не ври, Васильевна.

АГЛАЯ. Помолчи!

МИХАИЛ. Ну вот, Аглая Вади ... Васи ... ну вот, короче, мы тут всем, кому в деревне надо – делаем. Ну, в смысле, колонки делаем. Ну, бурим скважины – кому надо. Кто-то хочет у ворот, кто - на улице, но не все так хотят, чтоб на улице, потому что не хотят, чтоб другие пользовались ...

МОРОЗИХА. Зверьё, говорю же, тут живет одно зверьё в этой деревне.

МИХАИЛ. Ну да. Так вот ... А кто-то хочет колонку прямо в огороде. А кто-то у крыльца. Ну, кто как хочет, мы так и делаем. Как говорится: за ваши деньги и вашим, и нашим – споем и спляшем. Ну, в смысле – пробуруем, выроем землю и сделаем колонку. Я заезжаю на машине, у меня буровая установка, я заезжаю и вот, короче ... Мы с напарником в аренду взяли её. Ну, эту, бурильную установку, машину. Ну, бурим, делаем. Ну, как сказать – деньги, так сказать ...

АГЛАЯ. Ну вот. Вы же за деньги это делаете, Михаил?

МИХАИЛ. Ну, не бесплатно, конечно. А как? Это ж мой хлеб, у меня семья, кормить надо, так сказать, короче ...

АГЛАЯ. Ну, и что дальше?

МИХАИЛ. Ну, и дальше – приходит вчера ваша мама, Валентина Ивановна ...

АГЛАЯ. Зовите её просто: бабка Морозиха, её так все зовут.

МОРОЗИХА. Да, бабка Морозиха, Снегурочка! Только деда Мороза моего нет давно, помер мой Васенька давно! *(Плачет)*.

АГЛАЯ. Мама, не начинай!

МОРОЗИХА. А я и не заканчивала!

АГЛАЯ. Ну, и что дальше, Михаил?

МИХАИЛ. Ну да. А мы тут у соседей делали. Сидели, перерыв сделали на лавочке, сидели, у дома сидели, курили. Приходит вот бабушка, мама ваша, начинает рыдать, плакать прямо сильно, упала прямо передо мной на колени. И говорит ...

АГЛАЯ. И что она сказала?

МОРОЗИХА *(вышла, снова встала в проеме дверей, смеётся)*. Не хотела я тебя калечить, но придется. Значит, слушай. Я сказала им так: сынки, помогите бабче?! Сынки, я одна, зувсим одна, нэма грошив, тильки хлеб да силь могу купыты сэбэ, сынки! Мой сын, паразит, мэнэ бросив, вин на Сэвэре шось робит, алкаш якись, алкаш последний мий сын, а дочка моя – в тюрьме, в заслони она сидит, проституткой вона робила и для тэго её посадили! Закрыли в тюрьму!

Молчание.

АГЛАЯ. Всё?

МОРОЗИХА *(смеётся)*. Всё. А что тебе – еще надо? И что? Сработало. Хорошие хлопцы. Сразу всё кинули. Приехали ко мне. Я им ворота открыла, они во двор въехали и сделали мне скважину. Сразу вырыли. Теперь у меня колонка есть. И где? Прямо у крыльца. Бабке теперь не надо карячиться до колодца зимой, а то тащусь с ведром и думаю – упаду тут и кончусь. Поняла?

АГЛАЯ. Я ж тебе хотела в дом воду провести!

МОРОЗИХА. Мне не надо в дом. Мне надо у крыльца.

АГЛАЯ. Мама, зачем ты им наврала?! Какой сын у тебя на Севере? Откуда он взялся?! Какая дочь проститутка в тюрьме?! Что ты мелешь, что ты собираешь?! Ну, ты на меня посмотри – ну, какая я проститутка?!

МОРОЗИХА. Не комментирую. Но коммент.

АГЛАЯ. Мама, какой стыд, какой позор! Ведь ты же русская женщина!

МОРОЗИХА. Сама говорила только что, что я хохляндия, чувашка, мордвинка, удмуртка.

АГЛАЯ. Мама, какая я тебе проститутка?!

МОРОЗИХА. А кто ты, как не она? Откуда у тебя гроши? Тебя посодют, Любка, ой, посодют, помяни моё слово!

АГЛАЯ. Мама, я работаю, как проклятая, с утра до ночи, что ты меня всё садишь и садишь?! Какая тюрьма? У меня с тобой сил нет уже. Ты понимаешь? Вот это что за мать такая у меня, а?

МОРОЗИХА. Такая вот мать, не повезло тебе. Бабка Морозиха, что с меня взять.

АГЛАЯ. Бесполезно, бессмысленно с ней говорить. Она не слышит. Михаил, сколько это стоило, я сейчас заплачу. Мне хочется прекратить этот бессмысленный разговор!

Аглая роеся в сумке.

Старуха всё так же стоит в проеме дверей, смотрит то на дочь, то на Михаила.

МИХАИЛ. Да ладно, нисколько не надо, я пойду ...

АГЛАЯ. Я понимаю, на чем она сработала, как она уговорила вас. В России любят три Б: любят больших, бедных, бездарных. Вот она вам эти три Бэ и показала. А вы, Михаил, поверили. И напрасно.

МОРОЗИХА. «А ты любви моей не понял и напрасно! И напрасно!».

АГЛАЯ. Мама, прекрати петь!

МОРОЗИХА. Сама ты Бэ. Человек мне помог, а ты его стыдишь. Бэ – бессовестных в России еще любят, вот так вот. Таких вот - как ты бессовестных.

МИХАИЛ. Вы меня простите, но я деньги брать не буду. Я, правда, от чистого сердца. У меня мама такая же вот, старень ... Пожилая, то есть, как ваша мама. Она в Архангельской области, в деревне живет. Похожа она. Она там одна. Ну, я тут помогу человеку, а маме моей, может, кто другой поможет. Мы же люди ... Меня же там нет. Не могу съездить к ней давно и помочь. Ну, я тут на заработках, так что вы - не надо ...

АГЛАЯ. Сколько это стоило?

МИХАИЛ. Я сказал: не надо ничего.

АГЛАЯ. Мне ужасно неловко.

МИХАИЛ. Перестаньте.

МОРОЗИХА. Мишенька, хочешь, чаю налью? Да посиди! Успеешь ещё. У меня и пирог есть. Очень вкусный. С картошкой и грибами. Грибы сама собирала. Не отравя. Хочешь? Я быстро накрою на стол, а?

МИХАИЛ (*улыбается*). С картошкой и с грибами? Правда? Мама всегда такие делала мне в детстве ... Ну да. Конечно. Хочу.

Старуха пошла к печи, включила электрический чайник.

Что-то возится, достает из шкафчика пирог, ставит на стол, улыбается.

МОРОЗИХА. Давай, Миша. Поешь. Успеешь еще на работу. Пусть напарник там покарячится один пока. Посиди, сынок. Посиди минуточку. А я тебе чаю налью и песню спою. Хочешь?

АГЛАЯ. Мама, не сходи с ума. Какая песня?!

Старуха взяла табуретку, села, налила из чайника кипятку в кружку, из заварника налила заварки, подвинула кружку Михаилу, сидит, смотрит на него во все глаза.

МОРОЗИХА. Миша, я хотела стать артисткой. А проработала всю жизнь дояркой. А вот как Любка разбогатела, она меня сюда перевезла, поближе к ней, с Родины перевезла. А она мне снится всё время, каждый день, наша Зубаревка.

АГЛАЯ. Мама, прекрати.

МОРОЗИХА. Любка ведь там выросла, в Зубаревке. Но забыла всё, такие вот они нынче. Ну, слушай песню, ешь, пей и слушай.

Старуха запела тоненько, протяжно:

«А в советской столовой красивой!

С бубенцами играет баян!

Жена мужа в Париж провожала!

Насушила ему сухарей!

А сама падеспань танцевала!

Унеси тебя, чёрт, поскорей!..»

Михаил смеётся, кашляет. Старуха тоже смеётся.

Хорошая песня, правда? Что, не в то горло попало? Ешь пирог, а то кашляет! Еще потом скажешь, что я пожалела, а ты подавился!

МИХАИЛ. Нет, не скажу!

АГЛАЯ. Мама, прекрати!

МОРОЗИХА. Помолчи. Она, видишь, какая богатая? Вся в брюликах. А я ночи не сплю. А вдруг её посодют? Откуда у нее такие гроши? У нас в родове сроду ни у кого таких денег не было. А у нее в центре города – личный двухэтажный дом.

АГЛАЯ. Мама, этот коттедж, а не дом.

МОРОЗИХА. Ну, пусть кортеж. У нее еще есть шофер. Личный шофер! Это, вообще, как называется? Я не знаю, как это называется. Ей сорокапет с хвостом, а детей и мужика у нее нет.

АГЛАЯ. Мама, хватит. Бредит всю дорогу, сочиняет всякое, надоело уже! Хватит! Каждому встречному и поперечному всякую чушь рассказывает.

МОРОЗИХА. Миша не поперечный. Миша, знаешь, что? Вот ей бы мужика вот такого красивого, как ты, а?

МИХАИЛ. А?

МОРОЗИХА. Ну, глаза у тебя голубые. Кудри еще есть, хоть и немножко седые. Ты, поди, по молодости от баб отбиться не мог, так?

МИХАИЛ. Да я... Я, вообще-то, женат ...

МОРОЗИХА. Ой, женат! Ну, и что? Ты, Миша, подумай, ты, Миша, сразу не говори «нет». Правду сказать, Миша, мне колонку и не надо было. Я просто тебя заметила и подумала: мужик-то хороший. И пошла к тебе, и на колени упала. Я ж для нее всё. Для дуры. Вот я помру скоро, а она сюда будет приезжать. Она этот дом не продаст. Он у нее будет как убежище. Он на нашу Зубаревку похож. Приедет вот она сюда, сядет вот тут у печки и будет слезы лить, меня вспоминать.

АГЛАЯ. Мама, ну хватит.

МОРОЗИХА. Миша, послушаешь еще меня?

МИХАИЛ. Конечно. Послушаю, конечно.

МОРОЗИХА. Ты видишь, как она от Парижа устала? Ой, Любка, будешь ты слезы лить, вот тут сидеть, у печки. Да не по мне плакать-то будешь, не по мне, Любка! А по своей молодости, по детству по своему, по нашему домику в Зубаревке будешь ты слезы лить. Тебе, когда 17 лет было, ты поехала в город учиться. Я помню. Время четыре утра, тебе надо на автобус идти. На улице лето, август.

АГЛАЯ. Мама, ну прекрати!

МОРОЗИХА. Вышли мы, Миша, с ней со двора, и идет она от меня, идёт по дороге с сумочкой. Всё-то вещей у неё – сумочка у неё была и всё. И идет она. А у нас дом возле леса стоял. Березы, знаешь, лето, зеленые березы такие. Шумят, утро, только-только солнце вышло чуть-чуть. А за лесом была автостанция. И вот идет моя Любка по дороге, а дорога из белой пыли вокруг леса и дальше, и вот она идет по белой пыли, а я стою у ворот и думаю: «Доча, доча моя! Повернётся или нет?». Думаю: если не повернётся – то не любит она ни меня, ни отца, ни нашу Зубаревку. А она - повернулась. Посмотрела. Посмотрела на меня и ушла.

АГЛАЯ. Мама, хватит!

МОРОЗИХА. А я села на лавочку и как давай плакать на всю улицу. Потому что тогда я вдруг поняла: как она нас хоть и любит, но больше она к нам никогда в наш дом не вернется. Ну, а она села в автобус и смеялась, поди, когда я плакала. Ей-то что? Мать плачь – заплачься, а ей – смешно, поди, было, доченьке-то моей.

АГЛАЯ (*вытерла слезы*). Нет, мамочка. Не такая уж я у тебя и дурочка, как ты думаешь. Не такая. Ехала, смотрела в окно и плакала всю дорогу до поезда. Не дура я, мама. Я тоже тогда поняла, что больше я в этот дом не вернусь никогда. Так оно и вышло. Не рви мне сердце, мама!

МОРОЗИХА. Ну вот. Так вот она уехала и - всё. А потом разбогатела. Ну, я тебе уже говорила, Миша, что её непременно посадят, скоро посадят её. Ну, раз она такая богатая, то её должно непременно вскорости посадить.

АГЛАЯ (*кричит*). Да хватит уже! Мамочка, дорогая, да что ты знаешь про мою жизнь вообще? Богатая, богатая, деньги из карманов падают, надоела прям ... Я в девяностые на рынке сигаретами торговала. Знаешь, как это? Не пачкой сигареты продавала, нет. А по одной штучке продавала. У входа на рынок стояла и продавала. Навар с пачки был сто рублей. Первоначальный капитал себе делала. А на сто рублей тогда можно было один раз на трамвае проехать, если еще сто рублей добавишь. Мужика у меня нету? А они все сдохли. Все мои погодки, ты не заметила? Мне кого надо было, миллионера старого искать? А их разобрали все те девки, кто помоложе да посисястей. Где я их возьму, если они все спились и сдохли? А я росла и росла, и быстро как-то старая стала от этой жизни. И теперь я вот – мне 45 лет, а я старая и страшная. И если я кому и понадобится, то только из-за моих денег. Силикон и подтяжки я себе не делаю, ненавижу это. Вот, такая я – как есть. И что? Кому я нужна, ну, скажи, бабка Морозиха? Я теперь и сама стала Морозихой. Любка Косолапиха Морозиха, кривоногая потому что. Ой, простите, Михаил, я болтаю всякое, но это она меня - каждый раз выводит на слезы!

МИХАИЛ. Нет, Люба, вы очень красивая.

АГЛАЯ. Что?

МИХАИЛ. Зачем вы наговариваете на себя? Вы, правда, красивая. Очень. Правда.

АГЛАЯ. Ладно, Миша, хватит уже меня до слез доводить. То мама, то вот ты. Ну, или вы. Да какая разница! Короче, хватит уже. Не разжалобите. Я сухарь. Никаких, всё. Всё отрезало. Я столько людей похоронила, со столькими распрощалась в жизни, были у меня друзья, были, но стали предателями. И теперь я одна. И хорошо, и не надо никого. Вот, кроме вот этой вот бабки Морозихи - мне никого не надо. Была бы она да жила бы долго, вот что мне надо, а более – ничего. А сдохну – пусть мое богатство заберут в Фонд Мира или еще в какой фонд. Пусть заберут, в гробу карманов нет, мне не надо ничего.

МОРОЗИХА. Тебя посадят, помяни мое слово.

АГЛАЯ. Спасибо, мамочка, ты меня успокоила еще больше, поддержала, как всегда, добрым словом благословила. Видишь, у меня руки трясутся, ноги трясутся, у меня тушь потекла, я наплакалась сегодня, а ты еще и добавляешь керосинчику в огонь, спасибо, мамочка, добрая ты. Миша, мы с ней в прошлом году поехали на рынок. Вот что-то ей там понадобилось, на рынке. Не в магазине, не в торговом центре. А вот именно на рынке ей что-то понадобилось.

МОРОЗИХА. Не что-то, а галоши. Глубокие галоши мне надо было. Их в вашем торговом центре нету, не продают, а только на рынке.

АГЛАЯ. Ну вот, вот – видите? Вот такой вот характер у нее. Глубокие галоши ей понадобились. Это такие, когда сверху блестит черное, а внутри – красным выложено. Вот – вынь да положь, ей именно такие понадобились. Ну, не может она без них жить. Я

привозила и китайские, и из Доминиканы, и из Москвы шлёпки и тапки привозила ей – нет, ей надо глубокие галоши с черным верхом, а внутри – красное. Ну вот. Да вы ешьте, Михаил, ну? Приехали мы на рынок, идем по рынку, видим – сидит на снегу цыганенок. Подложил картонку под себя, чтобы не холодно было бы. Подложил и сидит, кричит на весь рынок: «Дай денег, дай денег!». Наглый такой, не милостыню просит, как обычно бывает, а орет: «Дай денег!». Ну, и конечно, наша бабка Морозиха полезла за кошельком. Я ей говорю: «Мама, он всё врёт, его алкаши или цыгане послали денег просить, ну-ка, пошли отсюда, не давай ему ничего, я что тебе сказала?!». И за рукав её тяну, увожу её от этого цыганёнка. А она, Миша, идёт, молчит, губы поджала и вдруг говорит мне: «Любка, какая же ты стала злая ...».

МОРОЗИХА. Хватит.

АГЛАЯ. И вот тогда я подумала, что я сейчас провалюсь сквозь землю от стыда. Провалюсь в ад, в тартарары. До того мне стало стыдно, до того стыдно стало, что она мне такое говорит. И что она говорит правду. Правду сказала она мне! Я стала такая злая, я так всех ненавижу, я всех поубивать готова. Не могу я на людей смотреть. Мне хочется автомат достать, тачанку с пулеметом и расстрелять всех, потому что кругом, везде, вокруг одни сволочи и мерзавцы. Одни обманщики и лгуны, одни негодяи и подлецы, и ни одного светлого человека нету, все врут, все лгут, все ненавидят друг друга и все друг другу только одно: «Дай, дай, дай!» И все смотрят друг на друга глазами, но не глаза у всех, а вместо глаз по доллару, или по рублю. Все на тебя смотрят и думают: «А какая мне выгода от тебя? А что я могу от тебя поиметь? А нужна ли ты мне или нет? Нет, не нужна, надо мне денег твоих только и более ничего!». Да, блин! Мама, есть у тебя валерьянка, чёрт побери?! Не видишь, что ли, что я сейчас умру, дай мне что-нибудь от сердца!

Старуха встала, взяла кружку, зачерпнула в бачке воды, достала из кармана фартука валерьянку. Накапала в кружку валерьянки, подала дочери.

МОРОЗИХА. На. Я в кармашке всегда валерьянку ношу. И валидол. И корвалол. И валокордин.

АГЛАЯ. Я знаю. Бабушки любят таблетки.

МОРОЗИХА. А еще у тебя диабет, дура. Бегаешь со своими деньгами, прыгаешь, а диабет себе заработала. Всё скачешь, как коза, а могла бы и здоровьем заняться.

АГЛАЯ. Спасибо за совет, мамуля. Займусь на пенсии.

МОРОЗИХА. Ой, дура.

АГЛАЯ. Всё, мне надо домой, я не могу тут больше сидеть. Сил моих нет.

МОРОЗИХА. Куда домой?

АГЛАЯ. Куда, куда. В город надо мне.

МОРОЗИХА. Нет, не пушу. Куда собралась?

АГЛАЯ. Ну, прям, я сразу тебя и послушалась.

МОРОЗИХА. А сегодня послушаешься. Ты неслухмяная, но сегодня, Любка, послушай меня. Сядь и не дрыгайся, никуда ты не поедешь с таким настроением и с таким здоровьем.

АГЛАЯ. Всё, мама, до свидания, я поехала.

МОРОЗИХА. Я сказала: не поедешь! В первый же столб въедешь. Где твой шофер личный?

АГЛАЯ. Я ему отгул дала.

МОРОЗИХА. Отгул за прогул? Заработался, что ли?

АГЛАЯ. Да он старый уже, шестьдесят лет, отец моей секретарши, пусть отдохнет.

МОРОЗИХА. Молодец. Старого пердуна наняла. А не могла помоложе хлопца найти?

АГЛАЯ. Зачем?

МОРОЗИХА. Телевизор посмотри! Все богатые бабы с молодыми шоферами крутят!

АГЛАЯ. Да с кем я крутить должна? И куда уже мне крутить, я старая!

МОРОЗИХА. Я сказала: не поедешь.

АГЛАЯ. Поеду.

МОРОЗИХА. Нет! Миша, ты умеешь водить машину?

МИХАИЛ. Ну, не знаю ...

МОРОЗИХА. То есть, как не знаешь? Ты же за рулем едешь?

МИХАИЛ. Ну да, я шофёр.

МОРОЗИХА. Да я не про твою колымагу, а вот ее иномарку сможешь вести?

МИХАИЛ. А что там мочь? Сиди. Педали нажимай. Сама поедет.

МОРОЗИХА. Правильно. Тебе же не надо будет ее сзади толкать. Сама поедет.

АГЛАЯ. Мама, прекрати, я сама.

МОРОЗИХА. Не самкай. Сына, сыночек мой миленький, я тебя очень прошу, это же двадцать минут всего, двадцать минут до города. Сыночек мой, она у меня одна. Как я её отпущу? Ну, скажи? Она видишь – еле живая, побелела, побледнела. Я ведь умру сразу, если с ней что случится. Я же ее люблю, дуру такую. Сына, а? Сыночек миленький? Помоги мне, а?

АГЛАЯ. Мама, хватит, я сама!

МОРОЗИХА. Сына, я прошу тебя, а? Вчера я тебе наврала про колонку. А сегодня – видит Бог: не вру. Прошу, помоги мне, сына! Хочешь, я сейчас перед тобой на колени встану, а?

АГЛАЯ. Всё. Всё, всё! Тихо, не надо!

МОРОЗИХА. Ну, сделаешь это для несчастной бабушки Морозихи, у которой одна единственная дочь и за которую она переживает? А обратно тебя сразу, ну вот – просто сразу, в одну минуту её личный шофер, этот дедушка – он тебя привезет назад, а?

МИХАИЛ. Да я на автобусе доеду.

МОРОЗИХА. Еще чего! На автобусах кататься! Пусть этот старый пердун, отец её секретарши, поработает. Кому он нужен в шестьдесят лет? Кто его возьмет на работу? Никто. Я ему сейчас позвоню, у меня его сотовый есть.

Достала из кармана фартука телефон, собралась звонить.

АГЛАЯ. Мама, ну оставь его!

МОРОЗИХА. Миша, у меня айфон. Дочка подарила. Сейчас я. Тихо! Сергей Петрович, вы где? На даче? Малинку собираете? Ага. Прекрасно. Сейчас в город приезжайте быстренько, ладно? Надо будет одного человечка привезти в одно место. Так, Сергей Петрович, еще слово и вы будете уволены. Понятно? Хорошо. Как хорошо, что до вас быстро доходит. До свидания. С приветом - ваша бабка Морозиха.

Старуха отключила телефон, положила в карман фартука.

Всё в порядке, Мишенька.

АГЛАЯ. Ну вот, видите, Михаил, как она с людьми разговаривает? А потом спрашивает: в

кого у меня такой стальной характер? Да есть в кого. Вот она перед вами: Морозиха, косолапиха.

МОРОЗИХА. Так, ты больше разговоры не разговаривай. Сказала – делай. Он сейчас приедет. Примчится. Знаю. Миша, сына, договорились?

МИХАИЛ. Да пожалуйста. Если вам плохо. Вам плохо?

МОРОЗИХА. Ей плохо. Ой, как ей плохо, сыночек мой миленький!

МИХАИЛ. Ну, тогда - о чем разговор? Я – пожалуйста. Если женщина просит ...

МОРОЗИХА. Правильно. Если женщина просит, то, Мишенька, сынок, ты бабье лето ее торопить не спеши. Понимаешь, Мишенька?

МИХАИЛ. Ну, если просит ...

МОРОЗИХА. Ой, просит женщина, Мишенька, ой, как просит ... Понимаешь?

МИХАИЛ. Понимаю, я и не спешу торопить её бабье лето ...

АГЛАЯ. Да что ты опять придумала?

МОРОЗИХА. Гусары, молчать! Ничего не придумала. Я сказала – всё. Вперед. Так, иди, доча, в машину. Садись на пассажирское, Миша тебя отвезет.

АГЛАЯ. Я даже не знаю ... Ну, если вам не трудно?

МИХАИЛ. Нет, нет, мне не трудно!

АГЛАЯ. Правда? Не трудно?

МИХАИЛ. Да ни капельки!

АГЛАЯ. Я даже не знаю, как-то неловко ... Хотя, правда, я какая-то неадекватная стала. Но тут я оставаться не могу, потому что мы с мамой снова и снова будем ссориться, и мне еще хуже станет ...

МОРОЗИХА. Всё, идите. Да ты хоть покорми человека там, а то что вот он – сухим старушечьим пирожком чуть не подавился. Есть у тебя там в холодильнике икра, балык или что-то богатое, вкусное?

АГЛАЯ. Есть. Мама, отстань.

МОРОЗИХА. Я сказала: покорми человека!

МИХАИЛ. Вы на меня обопритесь, спокойненько, пошлите, айда, пойдете ...

АГЛАЯ. Спасибо вам, Миша. Я покормлю вас ...

Миша взял Аглаю под локоток и вывел из дому.

Старуха смотрит в окно, крестится, улыбается.

Слышно, как за окном завелась машина, погудела и уехала.

Старуха снова перекрестилась, сняла с окна горшок с геранью, поставила перед собой на стол, села на табурет, улыбается.

Смотрит на цветок, дует на листочки, нюхает соцветие, тихо смеется.

МОРОЗИХА. Остров – останься со мной. Твой радостный остров во мне ... Отчаянной страстью тоскует раздутый огонь во мне ... Понимаешь? С цветами надо разговаривать, обязательно. Они тогда цветут и растут лучше. И радуют людей. Вот зачем тебе цветок, герань? Ты же корешками расплождаешься, а? А зачем клубнике ягоды, если она расплождается побегами? А зачем малине ягоды, если она корнями разрастается? А зачем тополию пух, если он не пухом расходуется по миру, а веточками, которые ставят в банку с водой и веточка корешки отпускает? Зачем? Не знаешь? А я знаю. Потому что не всё же себе, надо что-то и людям. Вот у тебя цветок – радуется глаза. Малина и клубника – вкусные. Для людей. А пух – радуется людей, он как белый снег. И он летом людям напоминает про

красивую зиму! Кто-то чихает от него – но тоже радость, значит – живет, не помер еще. Так? А еще пух поджигать можно – он как порох трещит и сгорает. Буду с тобой говорить. Или песню тебе спою, хочешь?

Поет:

« - Пойдем-ка, милка, во пивуху!

- Я дома чаю напилась!

Пойдем-ка лучше во кинуху!

Коль я те по сердцу пришлась!

И вот пошли мы во кинуху!

Она любовная была!

На пять копеек семя съели!

Я как во сне домой пришла! ...»

Улыбается.

Вертит горшок во все стороны, герань кивает ей цветком.

Нравится песня? Еще спою:

Поет:

«Во саду ли, в огороде бегало два танка!

Немец курицу поймал, думал – партизанка!»

Смеется.

И еще слушай:

Поет:

«С неба звездочка упала прямо Гитлеру на нос!

Вся Германия узнала, что у Гитлера понос!».

Смеется.

Какая я молодец. Как хорошо у меня всё получилось. Гладко. Как по нотам. Бабка Морозиха – ты молоток!

Смеется.

Любка говорит мне: «Купи собаку, или кошку заведи себе, чтоб не скучно было!». А мне не скучно – это раз. Не надо мне. Я люблю разговаривать с живыми, но не с животными. И потом, самое главное – куда я поставлю заговоренное клеймо на кошке или на собаке? На ошейнике? Ну, и что это будет за собака или что за кошка, когда у нее будет ошейник? Им свободу надо, надо, чтобы они бегали и прыгали. Куда хотят, понимаешь?

Старуха встала, идет по комнатам, трогает все вещи.

А на цветке и на всех других вещах можно поставить заговоренные буквы. Вот, видишь, везде стоят!

Старуха повернула трюмо, гладит его, ставит на место.

Подняла с кровати одеяло, увидела там что-то, погладила.

Смеется.

Взяла подушку – там что-то нашла, погладила.

Смеется.

Взяла табуретку, перевернула – там что-то тоже написано, погладила надпись и смеется.

Снова подошла к горшку с геранью, приподняла горшок, читает что-то на доньшке, читает без звука, только губами шевеля, рассматривает то, что там, на дне горшка написано.

Вот, у тебя что тут на доньшке написано? Правильно: ИЖБЗЗ.

Молчит, улыбается.

Знаешь, что это такое? И я не знаю. Но у меня везде это написано. На одеяле и на подушке

написано химическим карандашом ... На одежде везде с краюшку – хлоркой. Спичку в хлорку обмакнула и везде написала. Везде написала: ИЖБЗЗ. Не знаю, что это такое. Мне бабка моя сказала: «Валька, везде напиши в доме ИЖБЗЗ. Везде метку поставь! На полотенце в уголке, на табуретке с другой стороны напиши, в углу дома напиши, и даже на иконе напиши сзади эти буквы».

В углу комнаты икона висит.

Морозиха подошла, руки сложила, смотрит на икону.

А я ей говорю: «Баба, а что это значит - ИЖБЗЗ?». А она мне говорит: «Не твоё дело. Мне эти буквы завещала моя бабка, а ей – её бабка. Все наши прапрабабки триста лет уже пишут эти буквы. Из поколения в поколение пишут это. И не твоя забота, не твоя печаль, не твое дело – что это такое, поняла? И вообще не наше дело, что всё это значит, поняла?».

Морозиха села на табуретку, смотрит в окно.

Вот так мне бабка сказала. Вот у меня так и написано везде. И на шкафу, и на печке. И вчера на колонке с водой написала краской! Масенькими буквами написала! Сбоку. Никто не видит. Но я-то знаю, что там написано. Заговоренные букочки. Которые счастье приносят. Господи, сколько они мне счастья принесли. Какая же я счастливая живу. Я и Любке написала это в ее машине. Недавно. Я всё думала, как это сделать незаметно и где написать. Она и знать не знает. Она приехала ко мне на днях, а я ей чаю дала с валерьянкой, с травой. Она давай спать, легла вот на кровать на мою, а я пошла и в ее машине написала карандашом на сиденье, сзади. Дура я, надо было раньше это сделать! И чего я не дотумкала раньше? И видишь – только написала и сразу – всё, пошло дело, закипело сразу всё, жизнь сразу началась живая!

Старуха встала, пошла в другую комнату, легла на кровать.

А что это значит, эти буквы ИЖБЗЗ – не наше дело. Главное верить, что то, как делали наши прабабки, то и было правильно, и нужно, и верно. Вот и я так сделаю, как они делали.

Смотрит в потолок, говорит куда-то вверх.

А что же значит это - ИЖБЗЗ? Может: «И будь жена замужем зимой»? А может: «Иди, Боже, жизнь зовет зовом»? А может: «Ищи быстро желтые зеленые заросли»? Не знаю. А может: «Имей Боже жизнь зеленых зайцев»? Не знаю.

Долго молчит.

Какой красивый он, Миша этот. Какой красивый. И как похож на Васю моего, царствие небесное. Как похож, а, Любка? Любка, держи его, держи его крепко ... Это судьба твоя, Любка ... Думаешь, он колонку вырыл мне? Нет! Он до сердца земли достал ... Там тайна – в земле ... Остров – останься со мной. Твой радостный остров во мне ... Отчаянной страстью тоскует раздутый огонь во мне ...

Старуха улыбается, встает с кровати, что-то шепчет, ходит по комнатам, берет в руки один горшок, кружится с ним, потом другой берет, кружится с ним.

Ходит, горшки переставляет туда-сюда, с одного окна на другое окно.

За окном темнеть начинает, вечер.

Старуха свет не включает, а всё так же ходит и ходит.

Темнота

Занавес

Конец

Село Логиново, 18 июля 2018 года